

Вестник Отрогжского историко-художественного музея
им. И.Н.Крамского. Выпуск № 2

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Воронеж
2012

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОЙ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РОЛИ ЛЕСОСТЕПНЫХ ГОРОДИЩ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одними из важных вопросов салтововедения являются проблемы, связанные с изучением лесостепных городищ салтово-маяцкой культуры, которые привлекают к себе внимание исследователей с момента выявления этого круга древностей.

Помимо прочего, в поле зрения археологов были и остаются оборонительные сооружения этих городищ, которые выделяются своей нетипичной для восточноевропейской лесостепи архитектурой. Последняя имеет явно не местное происхождение. Первым обратил на это внимание В.А. Бабенко, который еще в начале XX века откопал первые катакомбные захоронения в с.Верхний Салтов на Харьковщине и провел осмотр Верхнесалтовского городища. Он выразил мнение, согласно которому фортификация памятника имела византийское происхождение (1914, с. 469, 470).

Характеризуя салтово-маяцкие укрепления, исследователи времен Российской империи оперировали тремя памятниками – Верхнесалтовским, Маяцким (Дивногорским) и Волчанским городищами (Бабенко, 1914, с. 469, 470; Колода, 2001, с. 113). В 1921 г. С.Н. Замятнин ввел в научный оборот еще два городища – Верхнеольшанское и Алексеевское (1921). Но их принадлежность к салтово-маяцкой культуре не была окончательно доказана. Поэтому М.И. Артамонов не рассматривал их в одном из первых своих трудов, посвященном сравнительному анализу городищ лесостепной зоны (1940).

Позже, благодаря исследованиям И.И. Ляпушкина, в круг памятников салтово-маяцкой культуры вошли такие городища как Дмитриевское (Добринское), Архангельское (Нежегольское), Мохначанское, Сухогомольшанское и Кабаново (Эсхаровское, Старопокровское) (1958, с. 149, 150). Указанный автор не был первооткрывателем вышеупомянутых памятников, но их принадлежность к кругу салтовских древностей была доказана именно им. Следует отметить, что культурную принадлежность Сухогомольшанского и Кабанового городищ исследователь еще оставлял под вопросом.

Дальнейшее увеличение количества памятников отмеченного круга осуществилось после исследований Б.А. Шрамко. Им были открыты городища Вербовское и Большое (1958а; 1958б).

С.А. Плетнева дополнила список салтовских лесостепных городищ еще несколькими единицами. К ним она отнесла Ютановское, Подлысенки, Костомаровское и Карабут. Одновременно ею было исключено из круга салтовских Алексеевское и поставлена под сомнение салтовская принадлежность Верхнеольшанского городища (1967, с. 191-195). Позже исследовательница отказалась от своих взглядов касательно Алексеевского и Верхнеольшанского городищ и

снова зачислила их в круг салтовских древностей (Винников, Плетнева, 1998, с. 38, 40).

И.И. Ляпушкину принадлежит первая попытка типологического отбора салтовских городищ. Он приобщил к ним не только памятники, расположенные в верховьях Северского Донца и Дона, но также и те, которые локализовались в нижнем течении последнего, то есть не видел коренного отличия между степными и лесостепными фортификациями. Исследователь лишь отметил количественное преимущество каменных укреплений для верховьев рек Северского Донца и Дона. В целом салтовские городища И.И. Ляпушкин делит на два типа: первый – со стенами из камня или самана; второй – с земляными валами. Для памятников первого типа отмечаются их характерные черты: расположение на мысах высоких коренных берегов рек, крутые склоны которых являются хорошей естественной защитой. По периметру таких городищ проходили крепкие стены, а со стороны поля к стенам с внешней стороны примыкал ров. В плане они преимущественно имели форму трапеции, что было, по предположению И.И. Ляпушкина, обусловлено конфигурацией мыса. Размеры таких укреплений составляли в среднем 150?150 м. По мнению автора типологического отбора, такое однообразие характера укреплений является результатом установленного строительного приема, который сложился в процессе богатого опыта. В подтверждение своих наблюдений И.И. Ляпушкин приводит примеры Мохначанского и Дмитриевского городищ, которые наглядно демонстрируют выдвинутые им типологические признаки. Оба отмеченных памятника были построены на остатках скифских городищ. К тому же, если старые линии обороны не устраивали своей конфигурацией, салтовцы строили рядом свои оборонительные сооружения. В этом он видел аналогии с укреплениями ранних славян VIII-X вв. Как правило, салтовские городища первого типа имели неукрепленные селища, в несколько раз превышавшие по площади укрепленные участки. Такое поселение примыкало к оборонительным сооружениям или находилось от него на небольшом расстоянии из-за отсутствия удобной площадки в непосредственной близости. На некоторых из таких селищ И.И. Ляпушкин отмечает наличие зольников.

Второй тип городищ, по И.И. Ляпушкину, существенно отличается от первого внешне как по местоположению и размерам, так и по характеру оборонительных сооружений. Укрепления этого типа размещены на широких плато надпойменных террас, которые примыкали непосредственно к руслам рек. Остатки их фортификационных сооружений представляют собой небольшие земляные валы и рвы. Линии обороны размещены лишь с напольной стороны, хотя их общая длина значительно превышала периметр замкнутых защитных сооружений городищ первого типа. Общая защищенная площадь городищ второго типа достигала 15-20 га. Рядом с их укреплениями располагались открытые поселения, размеры которых также превышали площадь городища. В то же время И.И. Ляпушкин отмечает, что количество таких памятников небольшое: автору типологии было известно лишь два: около хуторов Среднего и Карнаухова. Исследователь считал, что к этой группе памятников можно было бы также отнести и укрепленное поселение около ст. Каменской (Ригинское городище), расположенное на Северском Донце, которое, к сожалению, не сохранилось.

Крепости Саркел И.И. Ляпушкин отводил несколько обособленное место, отметив близость ее характеристик к первому типу разработанной им типологии (1958, с. 91-95).

С.А. Плетнева осуществила свою попытку типологической градации группы салтовских лесостепных городищ, расположенных в Северскодонецком микрорегионе: Дмитриевского, Архангельского, Волчанского, Верхнесалтовского, Кабанового, Мохначанского, Короповы Хутора и Сухогомольшанского. Она отметила тот факт, что подавляющее большинство из них построено на остатках скифских городищ, которые располагались на высоких труднодоступных мысах. В дальнейшем на тех из них, которые были упомянуты в КБЧ, содержится также и культурный слой XVII-XVIII вв. Салтово-маяцкие городища С.А. Плетнева разделяет на два вида по степени их защищенности и по характеру использования: первый вид – с одним или двумя рядами каменных укреплений и валов и культурным слоем; второй вид – с тремя или большим количеством рядов укреплений и почти полным отсутствием культурного слоя. К первому виду были отнесены Дмитриевское, Верхнесалтовское, Кабаново, Короповы Хутора и Сухогомольшанское 1 (С.А. Плетнева видела в Сухогомольшанском археологическом комплексе два отдельных городища, расположенных на соседних мысах: само городище значилось как Гомольша 2, а территория селища – как Гомольша 1). Во второй вид были зачислены Нежегольское, Волчанское, Мохначанское и Сухогомольшанское 2 (1960, с. 7-11).

Дальнейшая трансформация взглядов С.А. Плетневой на фортификацию салтовских лесостепных городищ заключалась в попытке показать особенности оборонительных сооружений памятников через призму развития общественного строя салтовцев. Данному аспекту была посвящена монография исследовательницы, само название которой отображало общую концепцию: «От кочевий к городам». В этой связи С.А. Плетнева рассматривает известные ей городища всей территории Хазарского каганата без учета территориальных и других особенностей памятников, подчеркивая этим общегосударственный характер салтово-маяцкой культуры. А непосредственно фортификация, в частности, ее строительные особенности, по ее мнению, отображала общегосударственные, социальные процессы феодализации общества Хазарского каганата. Эти представления отражены в новой типологии, разделявшей все городища отмеченного государственного образования на три вида: первый – поселения с земляными укреплениями, второй – каменные замки и третий – города (1967, с. 22-50).

К первому типу исследовательница отнесла шесть городищ (около хуторов Среднего и Карнаухова, на г.Котлубанной, в г.Каменск-Шахтинский на р.Северский Донец и около с.Костомарово на Среднем Дону), среди которых на территории лесостепи было расположено лишь одно – Костомаровское. Характерными чертами данной группы памятников, по определению С.А. Плетневой, были: мысовое расположение; наличие земляного вала и рва, которыми была ограждена часть поселения; явная оседлость населения, свидетельством которой были, прежде всего, находки костей свиньи, серпов и жерновов; большой размер поселений и насыщенный находками культурный слой. Сам факт появления памятников первого вида С.А. Плетнева видела в процессах феодализации общества Хазарского каганата. Отмечая, что все шесть городищ с земляными

ми укреплениями не были пограничными крепостями, а рядом с городищем во всех случаях были размещены селища с одинаковым по своим характеристикам культурным слоем, сравнительно с защищенной оборонительными сооружениями территорией, что, в свою очередь, свидетельствовало об одинаковой заселенности двух частей поселения (укрепленной и неукрепленной), автор концепции делает вывод, согласно которому строители укреплений не ставили цели защитить всех жителей поселения. То есть сами крепости охраняли не от внешних врагов. Следовательно, такие городища являются замками феодалов, которые предназначались для защиты лишь части населения – аила, связанного в единое целое уже не родовыми, а феодальными связями. С.А. Плетнева определяет их термином «феодальные замки кочевников», которые «...могли возникнуть в среде кочевников, оседавших на землю, поскольку только у кочевников в процессе феодализации появлялись крупные в начале выпасно-кочевые, а затем земледельческо-скотоводческие коллективы, объединенные богачом-феодалом». В то же время исследовательница отмечает, что большой замок, укрепленный земляными валами, является переходной формой от кочевья к обычному небольшому замку, но это не значит, что земляные замки более древние относительно каменных. Материал оборонительных сооружений и их размер лишь свидетельствуют, прежде всего, о степени социального развития: большие поселения с земляными укреплениями – менее развитая форма; небольшие поселения с крепкими каменными укреплениями – более развитая форма (Плетнева, 1967, с. 24).

Ко второму виду (каменные замки) С.А. Плетнева отнесла 12 городищ – по ее словам, «развалин величавых и грозных цитаделей» (1967, с. 25-32). К их особенностям исследовательница отнесла размещение на высоких, крутосклонных, труднодоступных меловых или лессовых мысах, расположенных на больших реках – Дону, Северском Донце и Осколе, а также наличие каменных оборонительных сооружений (валов или стен). Непосредственно к городищам второго вида были отнесены Нежегольское, Верхнесалтовское, Кабаново, Мохначанское, Сухогомольшанское, Дмитриевское, Волчанское, Короповы Хутора в долине р. Северский Донец, городище около с. Подлысенки на р. Оскол и Маяцкое, Карабут и Правобережное Цимлянское на Дону. Все эти памятники, несмотря на их территориальную отдаленность друг от друга, представляют одну группу. Следует заметить, что в выделенную С.А. Плетневой группу, попали, за исключением Правобережного Цимлянского городища, лишь лесостепные памятники.

Автор типологического отбора разделяет второй вид (каменные замки) на два типа. К первому типу второй группы С.А. Плетнева отнесла городища Дмитриевское и Короповы Хутора. Их характерными признаками были сооружения на остатках скифских оборонительных сооружений с обожженными валами, однорядность обороны, возможное наличие вспомогательной земляной линии, близкой по признакам укреплениям первого вида, а также наличие больших открытых поселений в непосредственной близости от цитадели.

Ко второму типу второго вида С.А. Плетневой были отнесены пять городищ: Архангельское, Мохначанское, Сухогомольшанское в долине р. Северский Донец, Подлысенки на р. Оскол и Карабут на р. Дон. Характерные признаки

вышеозначенных памятников, как можно понять из приведенных исследовательницей описаний городищ, есть многорядность каменных линий обороны (две или более), наличие каменных укреплений по периметру, разделенность цитадели поперечным валом, а также наличие в системе обороны эскарпирования мысовой площадки, отмеченное С.А. Плетневой лишь для городища Карабут. Также возле таких укреплений не является обязательным наличие открытого поселения.

В то же время автор типологического отбора отмечает, что в результате плохой сохранности Кабановое и Верхнесалтовское городища не могут быть уверенно классифицированы, но, скорее всего, должны быть отнесены к первому типу.

С.А. Плетнева отдельно выделяет Ютановское городище на р.Оскол, которое, по ее мнению, выделялось неординарностью укреплений. Памятник, расположенный на высоком крутосклонном коренном мысу правого мелового берега, в плане представлял собой неправильный четырехугольник с повышением в центре. Никаких оборонительных сооружений по периметру исследовательница не отмечает за исключением западного склона (яра), который был эскарпирован. В то же время, с напольной стороны городище укреплено пятью мощными линиями обороны из валов, насыпанных из щебня. Между валами проходили рвы. По мнению С.А. Плетневой, лишь Архангельское городище можно сравнить с Ютановским. Все другие салтовские укрепления, считает исследовательница, не имели таких «грандиозных» оборонительных сооружений (Плетнева, 1967, с. 32).

Помимо этого, С.А. Плетнева видит некоторое родство с салтовскими укреплениями славянского городища Сторожевое, расположенного на р.Дон, выше впадения в него р.Тихая Сосна (1967, с. 32, 33).

С.А. Плетнева, подытоживая общие наблюдения относительно салтовских городищ, отмечает наиболее стойкие признаки каменных городищ: мысовое расположение и размеры. Все другие черты, не учитывая тех, которые позволили ей распределить памятники по видам и типам, присущи всем городищам. Также исследовательница отмечает почти на всех укрепленных памятниках (невзирая на то, были они расположены на остатках городищ раннего железного века или нет) наличие скифского «влияния», что, по ее мнению, выразилось в эскарпировании склонов, наличии нескольких линий обороны, воротного проема, сооружении укреплений по периметру.

В то же время, истоки конструктивных особенностей салтово-маяцких оборонительных сооружений С.А. Плетнева видит в Закавказье, Крыму и Византии, а самого способа двухпанцирной кладки – в строительных традициях, выработанных еще в римское время.

Отделенные поперечными валами-перегородками части цитадели, по мнению С.А. Плетневой, представляли собой святилища, что свидетельствовало о концентрации феодалом духовных и светских функций. Следствием развития феодализма в салтово-маяцком обществе (отделение функций князя и жреца) было создание отделенного от замка феодала укрепленного святилища, которым, по мнению исследовательницы, было Волчанское городище (Плетнева, 1967, с. 34).

Третий вид городищ, согласно принципам типологического отбора С.А. Плетневой, представлял собой города. К первому типу исследовательница относит такие из них, которые выросли из феодальных усадеб: Саркел, Итиль, Семендер, а также Семикаракорское. Ко второму типу были отнесены города Боспора и Крыма, отстроенные в конце VIII в. в условиях бурного экономического развития после гуннского разорения. Среди последних, по утверждению С.А. Плетневой, можно назвать такие как Фанагория, Херсон, Таматарха (Самкерц), Керчь. В этих городах находились хазарские наместники – тудуны (1967, с. 44-49).

В более поздних своих работах С.А. Плетнева, учитывая постоянное пополнение археологических данных, в некоторой степени трансформирует свои взгляды на салтовские городища, но отмечает, в целом, что остаются в силе ее наблюдения, сделанные ранее относительно характера белокаменных стен крепостей для лесостепного варианта и земляных валов для степного (1967, с. 22-24). Хотя, в то же время, исследовательница признает тот факт, что в обоих вариантах салтово-маяцкой культуры известны оба типа оборонительных сооружений, а также нередко укрепления с сырцовыми стенами. Последние С.А. Плетнева считает определяющей чертой выделенного ею же дагестанского варианта культуры, где сырцовые стены часто сочетали с каменными (Винников, Плетнева, 1998, с. 22). Следует отметить, что остается не совсем понятно, в чем именно сохраняют свою актуальность наблюдения С.А. Плетневой, изложенные исследовательницей ранее, в 1967 г., так как в отмеченных случаях не шла речь о региональных особенностях, тем более о таких, которые связаны с той или иной этнокультурной традицией (такие определения сделаны позже: лесостепные белокаменные крепости – аланский вариант (Винников, Плетнева, 1998, с. 27)), а лишь делался акцент на социальном статусе городищ как факторе той или иной степени феодализации салтово-маяцкого общества – кочевников, которые находились на разных стадиях оседлости.

Относительно архитектурной традиции сырцовой строительной техники С.А. Плетнева отмечает, что она распространилась в приазовском и донских вариантах салтово-маяцкой культуры, но не стала там определяющим признаком. На бесфундаментную технику кладки стен как антисейсмический прием, приобретший распространение на всей территории Хазарского каганата, С.А. Плетнева указывает как на показатель, свидетельствующий о распространении строительных традиций из горных и предгорных районов, где он был необходим – Дагестана и Крыма (Винников, Плетнева, 1998, с. 22).

Относительно городищ, расположенных в бассейне Тихой Сосны, С.А. Плетнева, в частности, отмечает наличие в данном микрорегионе прямоугольных в плане городищ, расположенных на больших поселениях. Их оборонительные сооружения были возведены, кроме меловых камней, с помощью сырцового кирпича. Распространение этой строительной традиции (использование сырцового кирпича), истоки которой, как уже отмечалось, С.А. Плетнева выводит из территории степного Дагестана, связано с продвижением хазарского владычества, а вместе с ним и строителей, в лесостепной регион. Исследовательницей делается предположение, что укрепления могли сооружаться по инициативе и приказу хазарской власти. Кроме того, она не согласна

с мнением Г.Е. Афанасьева, согласно которому городища вдоль русла Тихой Сосны были пограничными крепостями, и отстаивает точку зрения о разнообразных функциях данных памятников – от караванных стоянок на торговом пути до пунктов для сборщиков дани у соседних славянских племен (Винников, Плетнева, 1998, с. 34-41; Плетнева, 2000, с. 53-56).

В своих последних работах С.А. Плетнева выделяла непосредственно среди лесостепных городищ вероятный памятник городского типа. Такую роль она отводила Верхнесалтовскому городищу (Плетнева, 2002, с. 118, 119).

Необходимо также отметить важный вклад в исследование памятников салтово-маяцкой культуры, сделанный А.Г. Николаенко, краеведом из п.г.т. Волоконовка Белгородской области. В частности, среди значительного количества археологических объектов средневековья он открыл и этнически определил такие городища как Афоньевское и Красное (Николаенко, 1973).

Во время исследований, проводимых Оскольской экспедицией в 1981-1985 гг., московским археологом Г.Е. Афанасьевым были открыты два городища салтовской культуры – Павловское и Колтуновское, а также выявлены основания для отнесения к салтово-маяцкой культуре городищ Поминовское, Муходеровское и «возвращения» в круг салтово-маяцких памятников Алексеевского и Верхнеольшанского (1983; 1987, с. 88).

Итоги дальнейшего уточнения количества лесостепных салтовских городищ Г.Е. Афанасьев изложил в своей монографии «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв.» (1987, с. 88-142). В этой работе, помимо прочего, значительный раздел посвящен вопросам организации обороны салтовских земель и архитектуре фортификаций лесостепных городищ. Исследователем были рассмотрены лишь те городища, которые, по его мнению, не оставляли сомнений относительно их принадлежности к салтово-маяцкой культуре. Таким образом, из 23 памятников, которые были введены в научный оборот за все время изучения вопроса, он оставляет вне сомнений 20 (были исключены городища Кабаново, Вербовское и Костомарово) (Афанасьев, 1987, с. 88, 89).

Беря за образец принципы классификации русских городищ, изложенные в трудах П.О. Раппопорта (1956; 1961; 1967), Г.Е. Афанасьев создает классификацию салтовских городищ лесостепной зоны. Исследователь разделил их на четыре типа согласно плановой структуре оборонительных сооружений в порядке их усложнения, а также строительным материалам и приемам, (1987, с. 89-142).

К первому типу относятся городища, расположенные на удобных мысах коренных берегов рек. Их оборонительные сооружения были возведены в предшествующее время и населением салтово-маяцкой культуры не использовались. К данному типу были отнесены городища Архангельское, Большое Городище, Афоньевское и Подлысенки. Из этого логично следует, по нашему мнению, что вышеперечисленные памятники, которые нельзя связывать со строительной техникой салтовцев, не следует относить к кругу фортификационных пунктов салтово-маяцкой культуры.

Городища второго типа отображают систему фортификации VIII-X вв. н.э. Они расположены на узких мысах коренных берегов и имеют валы или рвы

лишь со стороны поля. К этому типу отнесены городища Ютановское, Поминово, Павловское и Карабут.

Третий тип представлен городищами, которые также расположены на мысах коренных берегов рек, но имеют рвы и валы по всему периметру укрепленной площадки. На этих городищах фортификационная архитектура отображена двумя историческими эпохами – ранним железным веком и VIII-X вв. н.э. Это следующие городища: Мохначанское, Короповы Хутора, Сухогомольшанское, Волчанское и Дмитриевское.

Наиболее совершенные фортификационные сооружения, по классификации Г.Е. Афанасьева, содержат в себе городища четвертого типа. Они коренным образом отличаются от системы обороны городищ предыдущих типов четкой геометрической формой укреплений, строительными приемами и использованным материалом. Во время планирования городищ этого типа рельефу местности уделялось второстепенное значение. В зависимости от своих качеств он лишь прикрывал подступы к данным крепостям. К данному типу Г.Е. Афанасьев отнес городища Верхнесалтовское, Красное, Алексеевское, Колтуновское, Мухоудеровское, Верхнеольшанское и Маяцкое.

Со временем, в свете новых данных, типология Г.Е. Афанасьева, которая около четверти века играла важную роль для определения характеристик салтово-маяцких городищ, все более не удовлетворяет исследователей: становятся более «размытыми» принципиальные признаки отдельных типов (Свистун, 2007а), спорным является тезис о наибольшем в сравнении с остальными совершенстве городищ четвертого типа, да и само разделение на типы по принципу планирования и, соответственно, связанной с этим градации совершенства укреплений, не может быть единственно правильным. Как отметил М.П. Кучера, «нельзя распределять городища на типы по их форме. Последняя зависит от топографического и общественно-исторического факторов и в классификационной схеме городищ она должна занимать место производной функции. Форма приобретала определенное историческое содержание лишь после выяснения топографической локализации городищ. Ее следует рассматривать как атрибут, конкретизируя деталь каждого типа, выделенного по условиям топографического местоположения» (1999, с. 19, прим. 1). С другой стороны, бесспорно, что при рассмотрении планировки городищ, расположенных на ровной местности без использования в полной мере защитных свойств рельефа, можно проследить нормы оборонительного строительства и выяснить какие формы, представленные укреплениями, считались рациональными на той или иной территории в те или иные исторические периоды (Кучера, 1999, с. 18). Например, построение укреплений без максимального использования естественных защитных рубежей является важным недостатком и вынужденной серьезными обстоятельствами мерой, при которой организация обороны в прямоугольном или круглом защищенном периметре, по правилам сооружения фортификационных сооружений, является наиболее оправданной и простой, оптимальной в реализации мерой (Бусмар, 1818, с. 159). Другими словами, если возводились городища на местности, которая не имела подходящих естественных преград, которые можно было использовать в полной мере, то это было вызвано лишь крайней необходимостью постройки укреплений именно в том месте, в очень важных

стратегических целях.

Г.Е. Афанасьев также выдвинул мысль о создании в салтово-маяцкий период защитной линии из городищ четвертого типа как противовеса экспансии славян, носителей боршевской культуры, с севера (1993, с. 148). Принимая во внимание наиболее совершенную, по сравнению с другими типами, фортификационную архитектуру, исследователь поддерживает предположение В.А. Бабенко (1914, с. 469, 470) об участии в строительстве Маяцкой крепости византийских мастеров, распространяя эту точку зрения на все городища данного типа.

Необходимо отметить, что не все исследователи разделяют эти взгляды. В частности, А.В. Комар и О.В. Сухобоков считают, что речь может идти не об участии византийских мастеров в их строительстве, что отмечено в письменных источниках лишь для Саркела, а о синтезе византийских и местных традиций строительства, успешно усвоенных и использованных позже салтово-маяцкими мастерами (2000). Кстати, мы не имеем никаких свидетельств и археологических материалов относительно непосредственного участия византийских мастеров в постройке салтовских лесостепных городищ.

Позднее в монографии «Донские аланы» Г.Е. Афанасьев несколько изменяет список салтовских лесостепных городищ. Продолжая высказывать сомнения относительно городищ Костомарово и Кабаново, он приобщает к списку Усердское, Старосалтовское и Вербовское (Афанасьев, 1993, с. 124). Таким образом, в первой половине 90-х гг. XX в. исследователь оперировал 23 городищами, которые не вызывали у него сомнений относительно принадлежности к кругу салтово-маяцких памятников, и двумя городищами, относительно которых в этом отношении он не был уверен.

С 90-х гг. XX в. и до нашего времени изучением салтово-маяцких лесостепных городищ занимались, главным образом, В.В. Колода (городища Северское (Меловое), Волчанское, Верхнесалтовское, Мохначанское, Короповы Хутора) (1987; 1994; 1995; 1999а; 2000; Колода, Чернигова, 1998; Колода, Свистун, 2001; 2003; Колода, Крыганов, Михеев, Ряполов, Свистун, Тортика, 2004), Н.В. Чернигова (Верхнесалтовское городище) (1999; 2000; 2001), В.К. Михеев, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь (Северское городище) (Михеев, Колода, 1987; Буйнов, Дегтярь, 1988), А.В. Крыганов (Вербовское и Мартовское городища) (1994; 2004), А.Г. Дьяченко (Яблоновское городище) (Дьяченко, Погорелов, Семушев, 1999) и Г.Е. Свистун (городища Хотомельское, Кочеток-I, Кочеток-II, Кицевское, Кабаново, Мохначанское, Верхнесалтовское, Короповы Хутора, Чугуевское) (Колода, Свистун, 2001; Колода, Крыганов, Михеев, Ряполов, Свистун, Тортика, 2004; Свистун, 2004; 2005; 2006; 2007б; 2007в; 2009). Все эти новейшие исследования дали возможность значительно скорректировать список салтово-маяцких лесостепных городищ, выявить особенности их строительной техники, архитектурных решений и тому подобное.

Рассмотрев основные этапы трансформации представлений относительно социальной и стратегической роли салтово-маяцких лесостепных городищ, мы можем констатировать, что данные памятники с самого начала изучения археологической культуры попали в поле зрения исследователей. За время исследования лесостепных городищ значительно изменялись представления относительно

социальной и стратегической роли данного круга памятников. Долгое время не было четкого представления относительно количества городищ и их архитектурных особенностей.

Количество салтово-маяцких лесостепных городищ уточняется донныне. За последние годы было по новому интерпретировано давно известное (с XVI в.) Чугуевское городище, которое до последнего времени считалось то скифским, то роменским, то древнерусским без каких-либо научных оснований. Так, невзирая на фактическое отсутствие материалов археологических исследований, Чугуевское городище было нанесено Б.А. Шрамко на карту памятников скифского времени бассейна Северского Донца (1962, с. 136, рис. 1). Также в сознании общественности достаточно крепко утвердилась мысль о древнерусской принадлежности укрепления (История городов и сел Украинской ССР, 1976, с. 627), и именно с такой культурно-хронологической интерпретацией Чугуевское городище было внесено в реестр и справочник археологических памятников Харьковской области (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 138). Только в ходе археологического шурфования, впервые проведенного в 1996 г. (Бабенко, 1996), а затем раскопок в течение 2005-2007 и 2009 гг. (Свистун, 2005; 2006; 2007в; 2009) была документально зафиксирована салтово-маяцкая принадлежность Чугуевского городища при полном отсутствии материалов скифского, роменского и древнерусского времен.

Подобная ситуация сложилась и с Меловым (Северским) городищем, которое долгое время относилось к скифскому времени. На основе полученных в процессе раскопок данных В.В. Колодой была наглядно показана салтово-маяцкая принадлежность этого памятника (2005).

За последние полтора десятка лет открыты или заново найдены городища Кочеток-I, Кочеток-II, Кицевское, Мартовское, Хотомлянское, Яблоновское и окончательно сняты сомнения в принадлежности к кругу салтово-маяцких древностей городищ Кабанового и Вербовского.

Также следует отметить по каким-то причинам «забытые» в трудах салтоведов городища, расположенные в нижнем течении Оскола, Пристен и Гороховатка, имеющие все признаки лесостепных укреплений от примененного строительного материала до планирования и особенностей расположения на местности (Либеров, 1955, с. 7; 1961, с. 102; Михеев, 1970, с. 9, 10).

На настоящий момент к кругу салтово-маяцких городищ, расположенных в лесостепной зоне, можно уверенно отнести 31 памятник. Городища расположены в долинах рек Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна на высоких правых берегах этих рек или их притоков: 17 – в Северскодонецком, 5 – в Оскольском и 8 – в Тихососновском микрорегионах, лишь одно (Карабут) известно на р. Дон (рис. 1).

Городища долины Северского Донца расположены в пределах современных Харьковской обл. Украины (16) и Белгородской обл. России (1). На сегодняшний день выявлены, отнесены к салтовской культуре и в разной степени исследованы следующие памятники (с севера на юг): Дмитриевское (Добринское) Огурцово, Волчанское, Верхнесалтовское, Старосалтовское, Хотомельское, Мартовское, Кицевское, Кочеток-I, Кочеток-II, Чугуевское, Кабаново (Кабанье, Старопокровское, Эсар), Мохначанское, Короповы Хутора

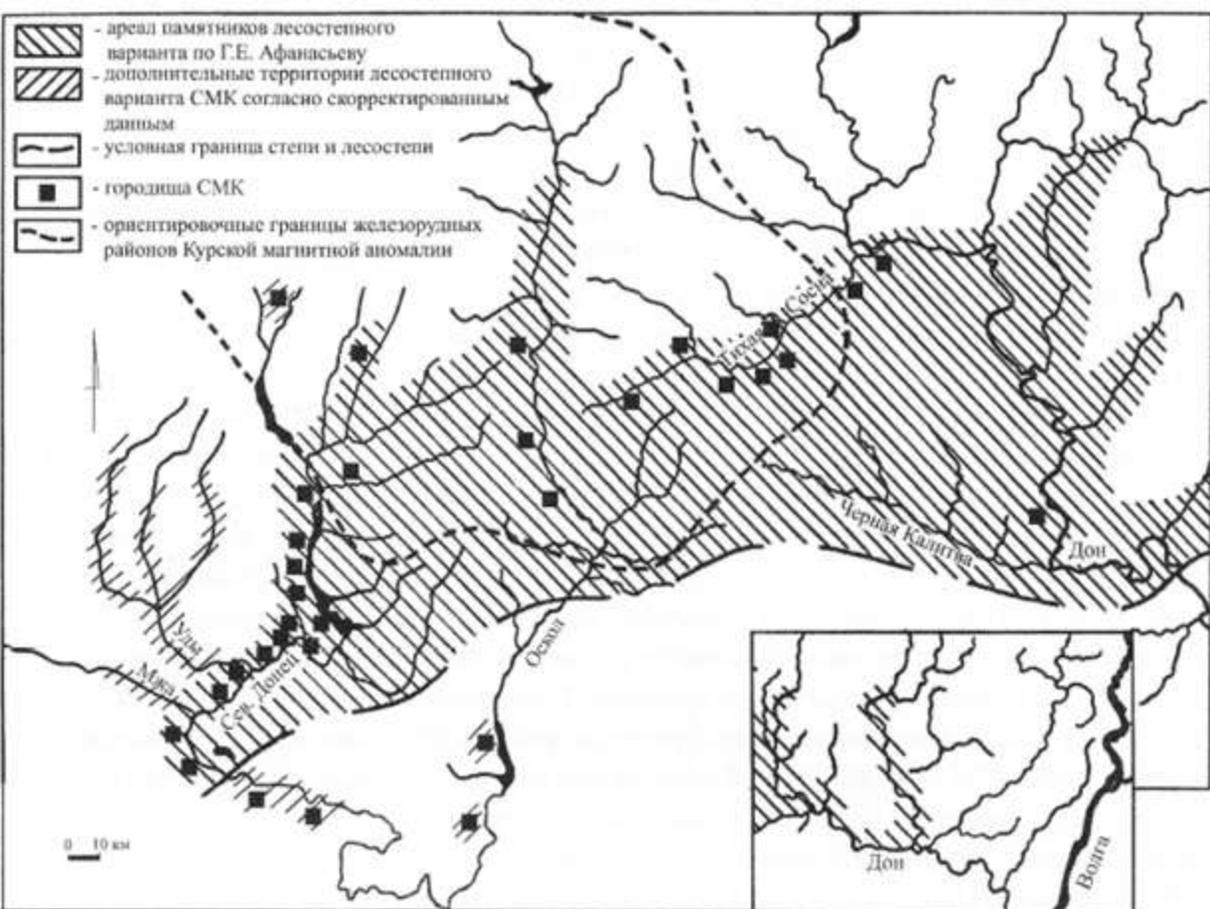

Рис.1.

Схема распространения памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с обозначением местонахождений городищ

(Коробовы Хутора), Сухогомольшанское, Северское (Меловое) и Вербовское (Первомайское).

Очень вероятной является принадлежность к кругу салтово-маяцких древностей Белгородского (Северского) городища, которое упоминается в старинных документах и в труде В.В. Пассека. Исследователь отмечал его принадлежность к единой системе линии обороны городищ, расположенных вдоль правого берега Северского Донца. Конечно, на время осмотра (40-е гг. XIX в.) В.В. Пассеком этой группы памятников их культурная принадлежность не была известна. Но сейчас ясно, что к вышеотмеченному кругу фортификационных пунктов Северскодонецкого региона исследователем были отнесены по внешним признакам именно салтово-маяцкие лесостепные городища (Пассек, 1840, с. 197-199).

Перед уничтожением Белгородского (Северского) городища на памятнике проводил раскопки А.В. Никитин (1962). Результаты его исследований 1951, 1955 и 1956 гг. нельзя признать достаточными, а сделанные выводы окончательными – городище-цитадель не раскапывалось широкой площадью, а выделение древностей салтово-маяцкой культуры на то время было в отдельных случаях проблематичным, чему есть немало примеров (салтово-маяцкую керамику, например, иногда относили к роменской или древнерусской, а кирпичные сооружения к позднему средневековью и новому времени). На данный нюанс в

1995 г. обратил внимание научного сообщества А.Г. Дьяченко, который, в частности, изучив материалы раскопок А.В. Никитина, писал следующее: «Имеется несколько фрагментов характерной лепной и подправленной на круге керамики (салтово-маяцкой археологической культуры – Г.С.), которая в 50-е гг. была ошибочно принята за роменскую. К роменской культуре оказались отнесенными и типичные обломки сосудов культуры многоваликовой керамики и бондарихинской культуры». Отмечая общую скудость салтово-маяцких находок на городище (калачевидное кресало с язычком, костяная пластинка с изображением человеческого лица, пряслица, наконечники стрел), А.Г. Дьяченко делает вывод о несомненной салтово-маяцкой принадлежности раннесредневекового Северского городища, учитывая общую планировку и конструктивные элементы его цитадели, которые имеют многочисленные аналогии среди памятников салтово-маяцкого круга (1995). К этому профессиональному выводу остается лишь добавить, что выявленные на городище сырцовые и обожженные кирпичи имеют аналогии не только на Красном, Алексеевском, Колтуновском и др. салтово-маяцких памятниках в бассейне р.Тихая Сосна, но также и на Чугуевском городище указанной культуры в бассейне Северского Донца (Свистун, 2012).

Городища в долине р.Оскол расположены в пределах современных Белгородской области России (3) и Харьковской области Украины (2). К настоящему времени выявлены, отнесены к салтово-маяцкой культуре и в разной степени исследованы следующие памятники (с севера на юг): Ютановское, Поминово, Яблоновское, Пристен и Гороховатское. Городища сконцентрированы двумя группами – в верхней и в нижней частях течения р.Оскол. В пределах среднего Оскола памятников салтово-маяцкой фортификации на сегодняшний день не известно. Такая локализация свидетельствует в пользу того, что данные городища контролировали места расположения бродов, т.к. известно, что в среднем течении Оскола переправы отсутствовали (Кусов, 2007, с. 454).

Городища в долине р.Тихая Сосна расположены в пределах современных Белгородской (1) и Воронежской областей России (6). На сегодня выявлены, отнесены к салтово-маяцкой культуре и в разной степени исследованы следующие памятники (с запада на восток): Красное, Алексеевское, Колтуновское, Мухомеровское, Верхнеольшанское, Павловское и Маяцкое. С.А. Плетнева сделала предположение относительно существования в прошлом еще одного городища на территории современного г.Острогожска Воронежской области, которое контролировало расположенный у крепости брод через р. Тихая Сосна. Но функционирующий город привел к разрушению городища (Винников, Плетнева, 1998, с. 41). К нашему времени практически не сохранилось Усердское городище, хотя его принадлежность к салтовскому кругу памятников доказана Г.Е. Афанасьевым (1993, с. 124). Поэтому мы должны учитывать данный памятник при характеристике общей системы обороны в отмеченном микрорегионе.

Как показывают исследования последних лет, ставить точку в вопросе определения количества лесостепных городищ еще рано. Признаки укреплений имеет салтово-маяцкий памятник вблизи с. Огурцово (Телегин, Пузаков, Михеев, 1959. с. 4, 5, 22; Шрамко, 1959. с. 5). Ряд салтово-маяцких «гнезд» поселений в силу своего топографического расположения потенциально и очень вероятно имели укрепленные центры, и окончательно ответить на этот вопрос можно

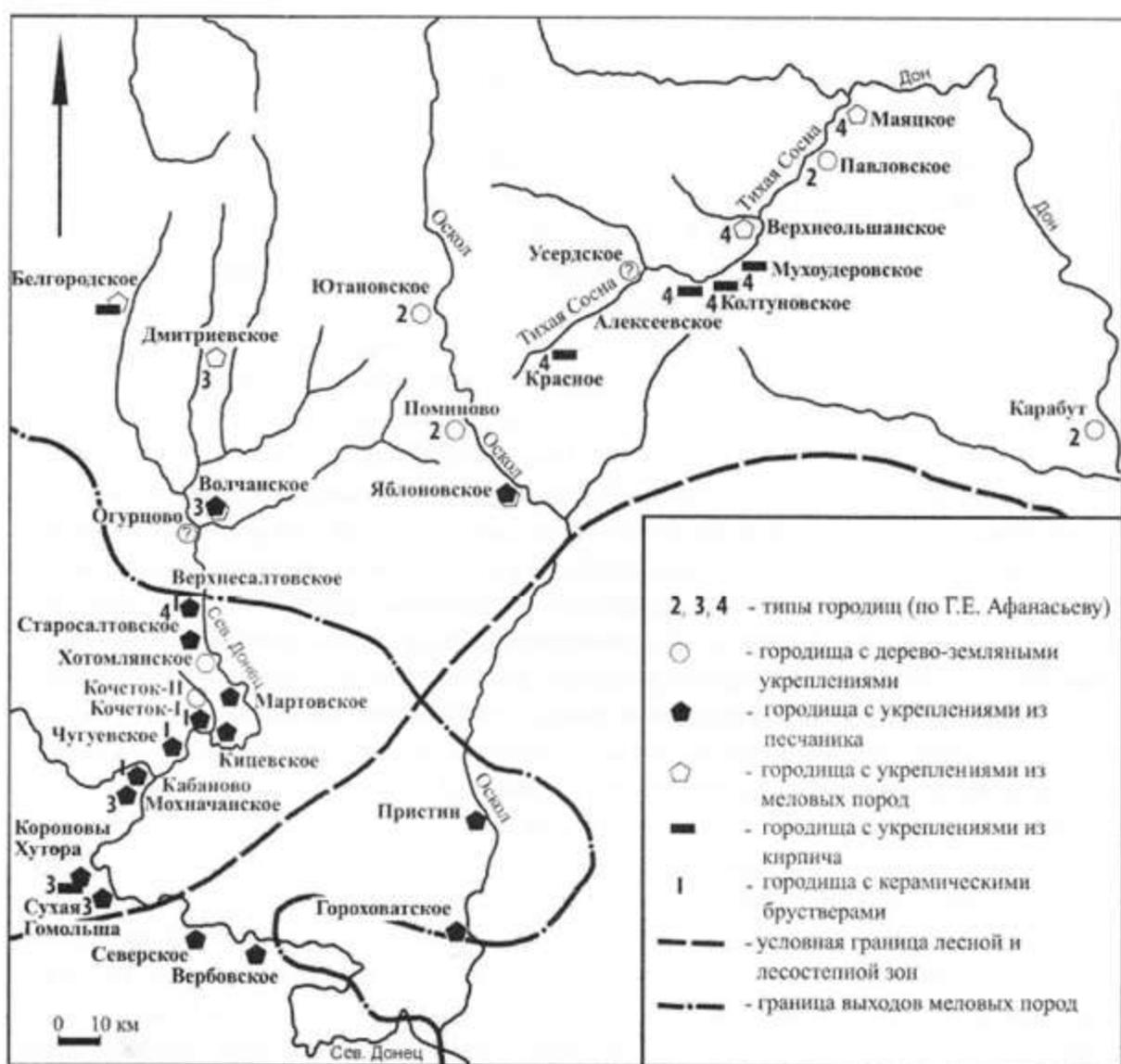

Рис.2.

Карта месторасположения лесостепных салтовских городищ относительно выходов строительных материалов геологического происхождения

лишь при условии продолжения интенсивных разведок на отмеченной территории. К сожалению, этому отчасти мешают все более растущая, в силу распределения салтовской лесостепи между двумя современными государствами, автономность научного поиска украинских и российских ученых, общие кризисные явления, малочисленность специалистов и фактическое отсутствие финансирования археологических исследований.

В последние годы в научных дискуссиях особенно бойко обсуждается вопрос относительно социально-политической и военно-стратегической роли городищ салтовской лесостепи. В специализированной литературе отмечаются попытки выделения среди таких памятников средневековых городов, замков, пунктов сбора дани центральной властью, пограничных крепостей по линии северо-западной границы Хазарского каганата, тортулей, святилищ и тому подобного. Для одних утверждений нет достаточных документальных оснований, для других характерна однобокость подхода с отбором отдельных факторов при

игнорировании остальных. Отчасти виной этому является недостаточная или различная по объему исследованность памятников, отсутствие объективных критериев, что не дает возможности провести полноценный сравнительный анализ. Во всяком случае, такие попытки должны проводиться, и некоторые особенности лесостепных салтово-маяцких городищ на сегодняшний день являются бесспорно определенными, как то: принципы топографического расположения, примененные строительные приемы и материалы, соотношенность размещения со старинными бродами через русла рек и др. В частности, установлена взаимосвязь строительных материалов и архитектурных форм оборонительных сооружений с применявшимся на городищах строительным материалом.

В лесостепи залегают и имеют выходы, доступные для разработок древнему населению, естественные строительные материалы, в частности, такие как мел, известняк, мергель, песчаник. В целом, геологические данные говорят о преимущественном распространении таких доступных для разработок в раннем средневековье строительных материалов как песчаники и мел. Их выходы на поверхность зонированы территориально в отдельных микрорегионах салтово-маяцкой лесостепи. Меловые породы залегают в долине Северского Донца на границе со степью и в верховьях реки, а также вдоль русла Тихой Сосны (рис. 2). На других рассматриваемых нами территориях преобладали песчаники (Турлей, 1936). Эти обстоятельства в значительной степени повлияли на выбор строительного материала и применение тех или иных строительных приемов при возведении оборонительных сооружений.

Также можно утверждать, что преобладающее большинство укреплений располагалось вблизи переправ на высоких правых берегах, в военно-стратегическом отношении доминируя над противоположными, левыми берегами, расположенными на востоке или юго-востоке. К тому же, ряд салтово-маяцких поселений расположен за линией укреплений вдоль р. Северский Донец в западном направлении (рис. 1). При этом эти поселения имеют укреплений и расположены на близком расстоянии от селищ славянского мира*. Все это во-все не свидетельствует в пользу тезиса о жестком контроле границы Хазарским каганатом, осуществлявшемся в лесостепном северскодонецком регионе с помощью линии обороны, созданной из городищ. Напротив, согласно правилам фортификационного искусства, вся мощь этих городищ и военно-стратегический потенциал были обращены в обратном направлении**. И это необходимо учитывать при определении роли салтово-маяцких лесостепных городищ в означенном регионе.

Объяснение привлекательности данных территорий для салтовского населения заключалось, скорее всего, и в первую очередь в экономических факто-

* Никто на сегодняшний день однозначно не доказал одновременность существования славянских и салтово-маяцких памятников на означенной территории, но принципиально это не меняет общего вывода: если эти группы поселений и не были одновременны, то, тем более, стоит задаться вопросом относительно рациональности обустройства укрепленной пограничной линии из крепостей вдоль Северского Донца при отсутствии вероятного противника на сопредельной территории

** Несколько более детально об этом см.: (Свистун, Горбаненко, 2011)

рах, а не в необходимости исключительно «выживать» в условиях потенциальной угрозы со стороны славянского (русского) мира, выполняя распоряжение центральной власти Хазарского каганата*.

В этой связи следует обратить тщательное внимание на природно-климатические условия, при которых возникли и функционировали салтово-маяцкие лесостепные памятники. Напомним, что эта часть восточноевропейской лесостепи очерчена главным образом территорией речных долин Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна, а также небольших участков в пределах отрезков течений их притоков и реки Дона (рис. 1; 2). В природно-географическом отношении салтово-маяцкие городища северскодонецкого, оскольского и тихососновского микрорегионов расположены в лесостепной зоне умеренного пояса. Ландшафты лесостепей, как и степных зон умеренного пояса, возникли в плиоцене и претерпели значительную эволюцию в эпоху четвертичного периода. В силу этого первобытный ландшафт территории представлял собой высокие коренные мысы правых берегов рек. Высокое естественное плодородие почв является одной из главных причин, которые способствовали сельскохозяйственному освоению этих территорий. Следует заметить, что в системе грунтовых зон умеренного пояса лесостепная зона выделяется богатством гумуса и мощностью своих почв. Как севернее, в лесной зоне, так и южнее, в степях, происходит уменьшение мощности почв и количества гумуса в них (Мильков, 1950, с. 49). Именно эти факторы, помимо прочих, и обусловили, расселение в лесостепной зоне салтово-маяцкого населения, в основе хозяйства которого было развитое земледелие и выпасное скотоводство.

Следует заметить, что салтово-маяцкие поселения в лесостепной зоне концентрировались вдоль русел рек. Поэтому схема распространения данной группы древностей, которая приводится в работах Г.Е. Афанасьева (1987, рис. 1; 1993, рис. 1), несколько не отвечает действительности, очерчивая всю территорию лесостепи к условно установленной линии границы лесостепной и степной природно-климатических зон. В то же время, группа салтово-маяцких лесостепных памятников, которые расположены в бассейнах рек Мжа (Мож) и Уды, Северского Донца и Оскола по какой-то причине не вошла в ареал лесостепного варианта СМК (рис. 1).

Также на данных территориях, тяготеющих к Курской магнитной аномалии (рис. 1), были широко распространены богатые залежи железной руды, доступные для разработок в раннем средневековье при наличии, к тому же, большого количества необходимого для производства топлива в виде древесины. Это также, бесспорно, притягивало в эти места оседлое население с высоко развитым для того времени металлургическим делом. Широкое внедрение последнего содействовало социально-экономическому развитию в условиях увеличе-

* Хотя следует заметить, что это утверждение справедливо, прежде всего, для северскодонецкого микрорегиона. Ситуация с линией северных городищ вдоль р.Тихой Сосны, возможно, несколько отличная, хотя во многом и родственна с северскодонецким и оскольским микрорегионами. Кстати, тихососновская группа укреплений имеет отличия и в архитектуре, хотя также, бесспорно, контролировала переправы через водные артерии

ния спроса на железорудную продукцию. По сравнению со степными регионами территория салтовской лесостепи была богаче на железную руду. Всю ее можно геологически разделить на два рудоносных участка: к северу от р. Волчья и к югу от нее. Наиболее богатыми сырьем, доступным для разработки, являются верховья рек Оскол и Северский Донец. Салтовские металлурги использовали легкоплавкие лимонитовые руды и, очевидно, залежи Курской магнитной аномалии (Турлей, 1936, с. 147-150; Николаенко, 1991, с. 95, 96, рис. 1; Колода, 1999б, с. 89, 90). «Насыщенность» поселениями, объединенными в «гнезда» вокруг, возможно, производственных (железоплавильных) комплексов, из которых некоторые относились еще к пеньковской археологической культуре, предшествовавшей на данной территории салтовской (что свидетельствует в пользу давних корней металлургического дела в регионе), отмечают А.З. Винников и С.А. Плетнева (1998, с. 34).

Именно этот освоенный, потенциально экономически важный регион, исходя из выше приведенных факторов, и вынуждено было укреплять лесостепное салтовское население с помощью фортификаций в период военно-политического кризиса в ответ на угрозу, исходившую с восточного или юго-восточного направления. На вопрос о характере такой угрозы на сегодняшний день однозначно ответить нельзя – было ли это следствием внешней экспансии через северные земли Хазарского каганата (у нас нет свидетельств надежного контроля этих территорий центральной властью на протяжении всей истории каганата) или гражданских конфликтов, имевших место в истории этого государства.

Как мы могли наблюдать, социально-экономические процессы и связанные с ними явления в жизнедеятельности лесостепной салтово-маяцкой общности являются достаточно сложными и многогранными. И простыми объяснениями причин построения салтово-маяцких лесостепных городищ, как-то лишь необходимостью контроля северо-западной общегосударственной границы Хазарского каганата, вряд ли можно обойтись.

Литература

- Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления Северо-западной Хазарии // СА. 1940. Вып. VI.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г.Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосны // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
- Бабенко В.А. Памятники хозарской культуры на юге России // Труды XV археологического съезда. М., 1914. Т. 1.
- Бабенко Л.И. Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 года // Научный архив ИА НАН Украины. 1996. № 1996/64.
- Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Отчет о работах Северо-Донецкой археологиче-

ской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1988 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1988. № 1988/60.

Бусмар. Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей. СПб, 1818.

Вишников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж, 1998.

Дьяченко А.Г. К историко-археологической оценке I и II Белгородских городищ на Меловой горе // Мат-лы междунар. науч. конф., посвящённой 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. Елец, 1995.

Дьяченко А.Г., Погорелов Ю.С., Семушев М.И. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в лесостепном Поосколье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов науч. конф. Липецк, 1999.

Замятин С.Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // ВИАВ. 1921. № 2.

История городов и сел Украинской ССР. Харьковская область. К., 1976.

Колода В.В. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца // Научный архив НИАЛ ХНПУ. 1987.

Колода В.В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце // Древности. Харьков, 2005.

Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1994 г. // Научный архив НИАЛ ХНПУ. 1994.

Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1995 г. // Научный архив НИАЛ ХНПУ. 1995.

Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине в 1999 г. // Научный архив НИАЛ ХНПУ. 1999а.

Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине // Научный архив ИА НАН Украины. 2000. № 2000/95.

Колода В.В. Фортификация раннесредневекового Волчанского городища // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк; Макеевка, 2001. Т. 1.

Колода В.В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков, 1999б.

Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчет о работе особого отряда Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине // Научный архив ИА НАН Украины. 2001. № 2001/28.

Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 году // Научный архив ИА НАН Украины. 2003. № 2003/211.

Колода В.В., Чернигова Н.В. Отчет об археологических раскопках Верхне-Салтовского городища за 1998 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1998. № 1998/82.

- Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Е., Тортика А.А.* Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 2004. № 2004/206.
- Комар А.В., Сухобокров О.В.* Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm. 2000.
- Крыганов А.В.* Два уникальнейших фортификационных пункта Хазарии на ее северо-западной окраине // VIII східнознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. К., 2004.
- Крыганов А.В.* Отчет о разведках в Балаклейском, Волчанском и Змиевском районах Харьковской области в 1994 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1994. № 1994/55.
- Кусов В.С.* Московское государство XVI-начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.
- Кучера М.П.* Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К., 1999.
- Либеров П.Д.* Отчет о работе Донецкого отряда Донской экспедиции в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. 1955. № 1955/20.
- Либеров П.Д.* Разведки в пойме реки Оскол // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
- Мильков Ф.Н.* Лесостепь Русской равнины. М., 1950.
- Михеев В.К.* Отчет о музейных экскурсиях и археологических исследованиях 1970 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1970. № 1970/71.
- Михеев В.К., Колода В.В.* Исследование Северского городища // Научный архив НИАЛ ХНПУ. 1987.
- Никитин А.В.* Белгородская крепость XVI-XVII вв. // СА. 1962. № 3.
- Николаенко А.Г.* Отчет об археологических работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4982.
- Николаенко А.Г.* Северо-западная Хазария или Донская Русь? (Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа). Волоконовка, 1991.
- Пассек В.В.* Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М., 1840. Т. 2.
- Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 2000.
- Плетнева С.А.* Средневековые поселения верховья Северского Донца // КСИ-ИМК. 1960. Вып. 79.
- Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. // МИА. 1967. № 104.
- Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X-XV вв. // МИА. 1961. № 105.
- Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА. 1956. № 52.

- Свистун Г.Е.* К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Харьков, 2007а. Вып. 2.
- Свистун Г.Е.* Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году // Научный архив ИА НАН Украины. 2009.
- Свистун Г.Е.* Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2006 году // Научный архив ИА НАН Украины. 2006. № 2006/30.
- Свистун Г.Е.* Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции в 2007 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 2007б. № 2007/133.
- Свистун Г.Е.* Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2007 году на территории г. Чугуева // Научный архив ХММ И.Е. Репина. 2007в. Фонд № 14. Опись № 1. Дело № 7.
- Свистун Г.Е.* Отчет об археологических разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 2004. № 2004/37.
- Свистун Г.Е.* Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 году // Научный архив ИА НАН Украины. 2005. № 2005/34.
- Свистун Г.Е.* Фортификация Чугуевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2012. Т. 9.
- Свистун Г.Е., Горбаненко С.А.* Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу // Салтовомаяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірка наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцять Слобожанські читання». Харків, 2011.
- Телегин Д.Я., Пузаков Е.В., Михеев В.К.* Отчет о разведках археологических памятников в районе Печенежского водохранилища на реке Северском Донце в 1959 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 1959. № 1959/3-а.
- Турлей Г.Ф.* Полезные ископаемые бассейна р. С.Донец // Геологический очерк бассейна р. Донца. Харьков; К., 1936.
- Чернигова Н.В.* Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского городища // Научный архив ИА НАН Украины. 2000. № 2000/107.
- Чернигова Н.В.* Отчет об археологических исследованиях цитадели Верхнесалтовского городища в 2001 г. // Научный архив ИА НАН Украины. 2001. № 2001/87.
- Чернигова Н.В.* Звіт про археологічні розкопки Верхньо-Салтівського городища в 1999 р. // НА ИА НАН Украины. 1999. № 1999/17.
- Шрамко Б.А.* Отчет о полевых исследованиях за 1958 г. // Научный архив МАЭСУ ХНУ. 1958а.
- Шрамко Б.А.* Отчет об археологических исследованиях ХГУ на территории Белгородской и Курской областей в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1843.
- Шрамко Б.А.* Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции Харьковского го-

сударственного Университета в 1959 г. // Научный архив МАЭСУ ХНУ.
1959. Фонд 1. Опись 1. Дело 10а.

Шрамко Б.А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця // Археологія. 1962.
Т. XIV.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии
Украины (Харьковская область). Киев, 1977.

УДК 902(08)
ББК 63.442.7(235.7)я43
В78

Редакционная коллегия:

Ю. Д. Разуваев (отв. редактор),
В. Д. Березуцкий,
П. М. Золотарев, Н. Б. Компаоре

В78

Восточноевропейские древности : сборник научных трудов. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. — 258 с. (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 2).

ISBN 978-5-4446-0257-7

Настоящий сборник научных трудов содержит аналитические статьи и публикации по археологии лесостепной зоны Восточной Европы, подготовленные специалистами из России и Украины.

Предназначен для специалистов-археологов, студентов, исследователей древней истории Восточной Европы.

УДК 902(08)
ББК 63.442.7(235.7)я43

ISBN 978-5-4446-0257-7

© Авторы статей, 2012
© Издательско-полиграфический
центр «Научная книга», 2012